

Муниципальное бюджетное
учреждение культуры Целинского района
«Межпоселенческая центральная библиотека»

Серия «Писатели-фронтовики»

Юрий Бондарев
(род. 1924)

Библиографическое пособие

п. Целина
2014г.

Уважаемые читатели!

Представляем вам библиографическое пособие из серии «Писатели-фронтовики», посвященное Юрию Бондареву.

С отвагой через всю жизнь

Юрий Бондарев – одно из самых громких литературных имен для поколения тех, кому сейчас уже около сорока лет. Он вошел в наше сознание в ранней юности, в середине 70-х годов. Сначала – как автор сценария не уступающего Голливуду по размаху и зрелищности фильма-эпопей «Освобождение». Сразу за ним последовала яркая картина «Горячий снег». Эти фильмы, книги о войне, которые были тогда популярны, входили в школьные программы, фотографии и очерки в газетах и журналах, среди которых было много сильных, запоминающихся, давали тот духовный заряд, который помог сохранить что-то живое в душе вопреки почти сюрреалистической фальши последних 10-15 лет советской истории. Пришел срок – и память о Великой Отечественной войне помогла понять и старую Россию, и белую гвардию, и православие...

В 1975 году выходит в свет роман «Берег», ставший бестселлером на Западе, а у нас книгой, которую стремились прочитать все. Рядовой человек тех лет, возможности которого воспринимать мир были весьма сужены цензурой и спецхранами, мог обозреть недоступные ему горизонты. Пророчески был показан современный Запад, манящий рекламными витринами и жутко завораживающий космическим духовным холодом. Дискуссии на страницах «Берега» велись для тех лет крайне откровенные, а сюжет закручен просто невероятно.

Чувствовалось, что писатель знает много. Его хотелось слушать... То вообще было время своего рода писателецентризма», явления, которое едва ли было когда-то и едва ли повторится. Писатель воспринимался как историк, психолог, социолог, провидец и духовник в одном лице...

Полистаем страницы военной прозы Юрия Бондарева... Будущему романисту предоставилась в юности смертельно опасная, но совершенно уникальная возможность – заглянуть в распахнутую душу своего народа. «Знаете, что пронзительнее и ярче всего я помню? – говорит писатель в одной из бесед. – Лица, бесконечная череда лиц и голоса людей. На фронте солдат и офицер переднего края раскрывались как человеческая личность чрезвычайно быстро и чрезвычайно полно. Чтобы узнать, скажем, нового командира орудия, необязательно было съесть с ним пуд соли, а достаточно было раз провести с ним орудие через минное поле к какой-нибудь высоте – и он вам становился ясен без громких слов... Война явилась для меня самым умным и самым безжалостным учителем жизни. И это абсолют».

Из интервью писателя

– Юрий Васильевич, а вы никогда не сетовали на судьбу за то, что она вас талантом наградила? Ведь талант – это очень тяжелая, мучительная ноша, данная человеку, а особенно если человек что-то, как ему кажется, не исполнил – не сделал, не написал, не создал то, что ему предназначено. Вы никогда не говорили Боженьке: «Да за что мне такое наказание?»

– Талант – это умение мыслить. Умение чувствовать. И умение воображать.

– И все?

– Этого достаточно! Если добавить – долготерпение.

– Но еще должна быть энергия и сила все это реализовать?

– Вы не дали мне досказать. И еще успех! Да, успех.

– Составляющая таланта?

– Нет... Успех! Он не считается с бедностью, с болезнью, с некрасивым именем, с отвратительной внешностью, с дурным характером... Ему все равно. Он настигает тебя всюду. Он стучится в дверь, черт возьми, с утра до вечера звонит по телефону. Он рвется к тому, кто наделен талантом, и здесь я добавляю – наделен воображением. Верьте мне, Леночка, или не верьте, но литература – это прежде всего воображение.

– Не прожитое, не пережитое, а воображаемое?

– Именно воображаемое.

– Объясните мне такую вещь: вы считаете, что талант это от мамы-папы, а не итог тех впечатлений и потрясений, что случились, например, с вами на войне?

– Я писал и до войны.

– Представляю себе: Москва 30-х годов, вы, мальчик из хорошей семьи, Замоскворечье, обычная школа, лыжи, коньки, драки, голуби, небогатая нормальная жизнь... Писателей мало, они простым людям кажутся почти небожителями, и вдруг московский мальчик решает про себя: я буду писателем.

– Об этом обычно писатели не говорят или облачают в некую условную форму, мол, не хотел, не думал, случайно вышло. Помните, Виктор Некрасов, например, говорил: «Я даже не думал быть писателем». Это все че-пу-ха!

Мне было, наверное, лет семь, мы тогда жили в Москве... С раннего детства мама, Царствие ей Небесное, обязательно читала нам, детям, на ночь, вначале мне с сестрой, потом позже младшему брату. Она приучила нас к чтению, и, когда я сам взялся за книжки, отец подсунил мне Чехова, он очень любил Чехова. И когда я прочитал рассказ Чехова «Почта»... Вы его, наверное, не знаете?

– Не знаю.

– Посмотрите обязательно. Со мной случилось нечто необъяснимое, я вдруг подумал: «Мне бы написать такой рассказ».

– В семь лет? Подумали именно так: «Мне бы написать такой рассказ?!»

– Подумал! Я хочу быть писателем!

– Верится с трудом. Мальчишка ведь?

– Хулиган, драчун, голубятник.

– И двоечник?

– Двоечником никогда не был, хорошо учился, невзирая на поведение. Я рос, учился, собак гонял, дрался, книги читал, спортом занимался, но все время помнил, что я-хочу-быть-пи-са-те-лем. Понимаете! И думал: как? как это сделать? Вести дневник? Пробовал – не получается.

– Почему?

– Скучно, однообразно. Я не знал, с какого конца взяться. О чем писать? Не о том ведь, что на кухне украли кастрюлю? Была такая у нас история: какой-то бродяга стащил кастрюлю. Мама очень переживала. Писать же я начал, по-моему, только в седьмом классе, когда сам придумал и начал выпускать журнал под названием «Апчхи!». Чехов чувствуется, да? Собрал вокруг себя ребят, они заинтересовались, и мы стали выпускать рукописный журнал.

– А насмешек не боялись?

– Какие насмешки?! У меня авторитет был! Все ребята знали, что с Юркой Бондаревым с Лужниковской улицы лучше не связываться – морду может набить.

– И что, правда могли?

– Не буду лгать – мог. Спортсменом же был – и боксом занимался, и гимнастикой, что, кстати, очень помогало в жизни.

– Вы начали говорить про журнал...

– Он был рукописный и существовал в единственном экземпляре. Я написал для него юмористический рассказ под названием «Апчхи!», ребята сочинили стихи, было много рисунков, я даже карикатуры рисовал, а мой одноклассник Юра Грязное, погибший в войну,

рисовал очень хорошие пейзажи. Журнал этот читала вся школа, включая учителей.

– А кроме журнала вы еще что-нибудь писали?

– Только читал да «солнце» на турнике крутил, а еще драки с другими районами организовывал.

– И такое бывало?

– А почему нет. Время было чудесное. Из-за голубей мы дрались с ребятами, живущими в Сокольниках, но дрались честно, на кулаках, без всяких «железок», до первой крови. Тогда драка прекращалась. Чудесное было время! Во всем!

– Может, оно просто казалось таким, как всегда кажется в юности?

– Я помню те времена, какими счастливыми были отец и мать...

– Расскажите про них.

– Отец, его звали Василий Васильевич, был человек внешне суровый, но добрый невероятно. Рубашку снимал и отдавал нищему. Это не метафора, буквально. Он был большевиком, настоящим старым большевиком, членом партии с 1918 года. Ни отец, ни его верные товарищи никогда не называли себя коммунистами, только большевиками. Люди были удивительные!

– Романтики?

– Романтики, конечно. Я друзей отца хорошо помню, много их было, жизнь же его побросала. Где он только не работал – и на Урале, и в Ташкенте, и в Москве, и везде у него были друзья. Отец вообще был человеком хлебосольным.

Отец сам пробил себе дорогу в жизни. Он – родом из деревни ближе к Уралу. Его мать, моя бабушка, умерла, когда он был совсем мал, в доме появилась мачеха, ему приходилось много помогать по хозяйству, а потом его отдали в «мальчишки» к деревенскому купцу. Отец не своей семье, а именно купцу обязан был многим. Тот оказался человеком добродетельным, начитанным, может, даже образованным... Знаю, что купец отца не обижал, учил разбираться в товарах, вежливо общаться с покупателями и постепенно продвигал вверх. Именно служба у купца подняла его, вытащила из ужасной бедности.

– А когда он был арестован и за что?

– В 1949 году по 58-й статье – «контрреволюционная агитация и пропаганда».

– То есть уже после войны?

– Тогда подбирали уцелевших старых большевиков... Отец и так-то был большим любителем чтения, а после выхода из заключения совсем погрузился в книги, видно, хотел разобраться кое в чем, понять кое-что для себя. Он любил цитировать философов – от Маркса до Дицгена, но больше всего любил Гераклита. Начитанный был человек!

– А кем ваш отец был по профессии?

– У него много было профессий, кем он только не работал – служил на различных должностях в административных органах, был директором техникума, это когда мы в Москву из Ташкента переехали, потом закончил юридический институт и работал по специальности. Отец и в лагере заслужил великую славу. Он, как юрист, всем помогал писать прошения.

– А сколько он просидел?

– Шесть лет.

– Большой срок. А вы с отцом дружили?

– Я как представлю сейчас, какой я был непоседливый в детстве, удивляюсь не только тому, что мне голову на улице не свернули, но и педагогическому такту, терпимости моих родителей. Я же все время попадал в какие-нибудь истории! То на меня жалуются, что стекла разбил, то поколотил кого-то, то сам пришел с подбитым глазом и распухшим носом.

– Вы отца очень любили?

– И отца, и маму. Понимаете, отец для меня был мужчина, мужик, как говорят. Мы с отцом часто ездили в дальние поездки: и родню навестить, и по делам по всяким его. Он иногда брал меня с собой. Времена довоенные, места малообжитые, глухие, темные леса, безлюдно, только изредка какие-то подозрительные люди встречаются, а мы с отцом на

телеге, вдвоем, он и я, мальчишка еще... Я с отцом никогда ничего не боялся! От него исходила какая-то тихая сила, уверенность в себе. Он умел разговаривать с самыми разными людьми, найти с ними понимание!

– А какой была мама?

– Пела прекрасно, она же украинка, мама... Тихая, милая, добрая, красивая. Она была домоседкой, отца очень любила. Встречала его лаской, в каком бы состоянии он ни пришел домой. А всякое бывало, друзей у отца было много, и он иногда позволял себе... Мама его всегда прощала, хотя и отчитывала наутро. Я помню, как мне было смешно это слышать.

– Юрий Васильевич, у вас было счастливое детство, редкое. Такой доброй семейной атмосферой и отношениями мало кто может похвастаться.

– Счастливое! Несмотря на то что погиб мой младший брат, погиб в 1949 году под колесами машины, играя на мостовой в футбол. Женя тоже отчаянный был. Он был похож на маму и на меня немножечко. Он все время крутился около меня, да... Как мама страдала! После гибели Жени она потеряла слух, у нее стало плохо с сердцем. Мы старались для нее сделать всё. Она прожила семьдесят восемь лет.

– Юрий Васильевич, а как они вас на войну отпустили?

– Призыв был. В биографии пишут, что я добровольно ушел. Неправда. Преувеличивают, хотят, чтобы Бондарев выглядел более героическим, чем есть на самом деле.

– Но вы хотели на войну?

– Хотел! Это правда, что почти все мальчишки рвались на фронт. Наше поколение было особенным, наивным, чистым, романтическим.

– Давайте вернемся в вашу молодость... Вы демобилизовались из армии, вам было лет двадцать?

– Мне был двадцать один год. В самом конце 1944 года меня с фронта направили в Оренбург, в Чкаловское артиллерийское училище. Я проучился год, но потом открылась старая рана, и меня демобилизовали по состоянию здоровья.

– На войне вы о своих литературных мечтах не думали, не вспоминали, а тут вернулись домой, в мирную жизнь, и?...

– Абсолютно не вспоминал, даже дневник не вел, глупец! А надо было.

– А как вы решились поступать в Литературный институт?

– Я вообще не подозревал, что он существует, и поступал в кинематографический...

– Зачем?

– Один мой приятель знал, что я пытаюсь сочинять, и внушал мне: «Сценарист, знаешь, какая профессия замечательная, денежная». Фронтовые у меня потихоньку заканчивались, надо было как-то начинать зарабатывать, чтобы семье помогать. В общем, он велел мне взять с собой все написанное, и в один из дней мы с ним отправились в кинематографический... Я прихватил с собой главы из повести и два рассказа. Возвращались оттуда мы на автобусе, и когда ехали по Тверскому бульвару, вдруг на глаза мне попался плакат: «Объявляется прием в Литературный институт», я толкнул в бок приятеля: «Гляди, вон какой-то Литературный институт», – а он говорит: «Зачем? Ты уже отнес документы в кинематографический». Я спорить не стал, а про себя подумал: «Завтра отнесу свои опусы, сделаю еще попытку». А еще я писал стихи, которые не удаются мне совершенно. Стихи были о войне, такие, какие писали тогда все. Прихожу на следующий день в Литинститут, в приемной сидит милая девушка, секретарша. А я – в военной гимнастерке, фронтовик, говорю смело: «Вот, решил подать документы в ваш институт». «Показывайте, что у вас?» Думаю, раз Литературный институт, главной здесь должна быть поэзия, и выкладываю на стол листки со стихами. Она берет их, бегло просматривает, произносит какие-то невнятные междометия и вдруг спрашивает: «И вы хотите по стихам поступать в наш институт?» Я кивнул. «Не обижайтесь, – говорит она, берет мои стихи, нестеснительно рвет и бросает в корзину. – Никому их больше не показывайте. А у вас еще что-нибудь есть?» «Есть», – отвечаю, совершенно ошеломленный.

Как я потом узнал, меня не хотели принимать в институт по этим рассказам, потому что они были очень грустными. Один был о госпитале, где парень выбрасывается из окна. Другой, «Поздним вечером», об одиноком мальчике, я до сих пор люблю этот рассказ. Вдруг мои рассказы прочитал Паустовский, пришел в восторг и сказал: «Принимаем». Его мнение стало решающим.

– *Как вы себя ощущали в Литинституте?*

– Я почувствовал себя более уверенным, но, скажу совершенно честно, сразу понял, что без серьезной работы, без долготерпения, а проза – это долготерпение, по моему определению, ничего, дорогой мой, не получится. Особенно когда поближе узнал: кто и что из себя представляет, как сложилась судьба у студентов-писателей, кто что написал или не написал и почему? – я подумал, что мой путь легким не будет. Что касается разных наук, то мне они давались легко.

– *То есть институт вас отрезвил, вылечил от эйфории?*

– Я понял, что себя нужно делать. Работать. Я много тогда работал, много писал, хотя печатал мало. Понимал, что все зависит только от меня. И много учился. В каком смысле? Понимаете, я учился читать, пытался познать стиль Чехова, стиль Толстого, стиль Тургенева. Я учился стилю, познавал, каков ритм прозы, ее дыхание. Ибо самая естественная проза – это ритмичная проза. Как вдох и выдох.

– *А какой рассказ первым напечатали?*

– «Однажды осенью» в журнале «Смена», в сорок девятом году, я тогда учился на третьем курсе. Слава пришла в конце пятидесятых, после того, как были напечатаны «Последние залпы» и «Батальоны просят огня». Один критик написал, что в одно утро Бондарев проснулся знаменитым. Началась жуткая шумиха в прессе – статьи, обсуждения. И совершенно не ласкательные, наоборот, меня все ругали, я бы даже сказал, поносили.

– *А вы каждый день работаете?*

– Каждый день – с утра до обеда.

– *А если не пишется, заставляете себя?*

– Я совершенно не верю во вдохновение. Считаю, что вдохновение бывает только у поэтов. И то, их вдохновение – это внутреннее состояние, какое-то особое внутреннее возбуждение, что-то такое, словами не объяснимое. Нет, если же писателю, прозаику ждать вдохновения, можно всю жизнь проходить с вытаращенными глазами и ничего не написать. Вдохновение приходит тогда, когда человек уже сидит за работой.

(Беседовала Елена Кузьмина)

На службе совести своего народа

«Бывает, – писал Ю. Бондарев, – что в литературе подолгу живут книги несуетливого писателя, однако нет у него ни громкого имени, ни славы.

Бывает, что есть и слава и имя, но нет таланта в трудах знаменитости – солидная, так сказать, денежная купюра, не обеспеченная золотым запасом.

В период «массовой культуры» чрезвычайно редко встречается писатель счастливого соединения имени и таланта, таланта и славы, заслуженной книгами».

Сам Юрий Бондарев конечно же относится к числу немногих писателей «счастливого соединения имени и таланта, таланта и славы, заслуженной книгами». И не пора бы подумать о месте писателя в истории мировой культуры и литературы, в истории нашей реальной жизни второй половины XX – начала XXI века? Живя в одно время с Юрием Бондаревым, мы почему-то стесняемся ответить на вполне очевидный вопрос. Вот уже полвека писатель взрывает наше представление об окружающем мире. Он у всех на устах: и принимающих его взгляды на жизнь и отвергающих их, однако сказать, «кто он и откуда», – то ли стесняемся (при жизни – как же!), то ли не отдаем себе отчета в том, что мы жили и живем рядом с величайшим художником-волшебником. А творчество писателя известно

всему миру: пожалуй, нет языка, на который не был бы переведен хотя бы один роман или повесть художника...

Но Юрий Бондарев – русский писатель, и этим он тоже интересен миру. Ибо в его прозе – русская жизнь, проблемы и боли русского человека. Как мы сейчас судим о национальном характере и быте первой половины XIX века по произведениям Пушкина, Гоголя, Лермонтова, второй половины XIX века – по творчеству Льва Толстого, Достоевского, Чехова, первой половины XX века – по романам Шолохова, Леонова, так о второй половине XX века наши потомки будут иметь истинное представление по повестям и романам Юрия Бондарева.

Он, без сомнения, – самый талантливый наследник названных золотых классиков. Но не только русских; Бондарев – знаток мировой классической литературы. И его новаторство объясняется во многом тем, что он не отвергал и не отвергает наработанный до него художественный опыт, а, используя его, пробивает свою дорогу в искусстве.

Два века русской литературы показали, что наши гениальные писатели были чрезвычайно чутки к тревожным проблемам русской жизни, их главными персонажами становились люди, решавшие эти проблемы. Более тысячи лет на обозримом историческом поле были и остаются вопросы войны и мира.

Война и мир, человек на войне и в миру – главное в творчестве Ю. Бондарева. В его романах и повестях живут разные персонажи – от простых, рядовых жителей до великих «мира сего». Вместе с тем вполне закономерно, что главным героем писателя стал интеллигент: офицер, писатель, художник, артист, кинорежиссер. Через их жизнь, психологию души показывает писатель всю сложность жизни русского человека с середины XX века.

Середина этого века – Великая Отечественная война. Никто лучше, чем Ю. Бондарев, не показал ее нам, родившимся во время ее или же после... Еще много критиков и литературоведов будут пытаться осмыслить художественный опыт изображения этой войны в русской диктатуре. Однако уже сейчас можно сказать, что опыт Бондарева – самый достоверный, он из первых рук, он – не со стороны, а из глубин души.

Родился в 1924 году на Урале. Детство провел в Москве. После окончания средней школы ушел на фронт. Был артиллеристом. Всю войну стрелял по танкам. До сих пор чувствует запах горячих гильз и горелой брони...

«Рассказывать свою биографию нет смысла, ибо рискуешь повторить детали собственных романов и повестей, – в них всегда присутствует автобиографическое, личное, хотя бы отблески прожитых мгновений и ощущений».

Есть суровая статистика: из рожденных в эти годы с войны вернулось только три процента.

Ю. Бондарев был дважды ранен, но выжил. Впоследствии он скажет: «Мы стали солдатами в восемнадцать лет. В войну мое поколение научилось и любить, и верить, и ненавидеть, принимать и отрицать, смеяться и плакать... Мы научились ненавидеть трусость, фальшь, ложь, ускользающий взгляд подлеца, разговаривающего с вами с приятной улыбкой, равнодушие, от которого один шаг до предательства, один шаг к преступлению перед совестью».

И ему же принадлежит признание: «Нам было тогда и по двадцать лет, и по сорок одновременно».

Сразу после демобилизации – учеба на шоферских курсах, на подготовительном отделении авиационно-технологического института, было даже желание поступить в Институт кинематографии, но судьбу решила школьная тетрадка с маленькой повестью и несколькими рассказами. Ю. Бондарев стал студентом Литературного института, попал в творческий семинар к прекрасному писателю К. Паустовскому. Ученик вспоминал впоследствии: «Некто скептический, прочитав книги Паустовского и мои, мог бы заключить, что учеба у него мало что мне дала, поскольку писательские манеры наши весьма далеки одна от другой. Но Паустовский сделал для меня чрезвычайно много: привил любовь к

великому таинству искусства и слова, внушил, что главное в литературе – сказать свое. Вряд ли можно требовать от учителя большего».

И в 1949 году в молодежном журнале «Смена» был опубликован первый рассказ – «В пути». За ним последовали другие, печатавшиеся в центральных журналах: «Октябрь», «Молодая гвардия», «Огонек», «Советский воин», «Крестьянка» и др., составившие затем целых три сборника рассказов – «На большой реке» (1953), «Трудная ночь» (1958) и «Поздним вечером» (1962).

Все исследователи творчества писателя сходятся в оценке ранних произведений Ю. Бондарева (в том числе и повести «Юность командиров») как школы мастерства, в рамках которой вырастал будущий мастер. Е. Горбунова, пожалуй, лучше других дала общую оценку раннего творчества писателя. «Уже тогда, в рассказах, – писала она, – написанных не всегда еще достаточно опытной рукой, не всегда художественно совершенных, можно было уловить направление творческих интересов Юрия Бондарева, те его пристрастия и склонности, которым предстояло крепнуть и развиваться: внимание к социально-психологическим коллизиям, живописно-пластическое запечатление событий и характеров героев, способность создавать определенное настроение, углублять внутренний драматизм сюжета.

Острота психологического зрения и понимание действенно образующего значения драматических обстоятельств, в которых проверяются человеческая совесть и достоинство, открывали в Бондареве художника впечатлительного и доброго, глубоко заинтересованного в человеческих судьбах и потому особенно нетерпимого к фальши и несправедливости. С годами росло мастерство, и даже короткие рассказы Бондарева становились глубже, а воссозданные им характеры и психологические состояния – более острыми.

И еще: «Бондарева более всего интересовал уровень нравственности, те духовные устои, которые помогают выдержать строгую проверку на прочность («На большой реке», «Незабываемое») и отсутствие которых делает человеческое существование пустой и пошлой игрой. В этих рассказах Бондарева, насыщенных страстным неприятием цинизма и равнодушия, писатель показывал, что такая «игра» становится источником безнравственности, порождает страдание и преждевременное разочарование в жизни».

Конечно же рассказы, включенные в первый сборник «На большой реке» (1953), талантливы, интересны по персонажам, конфликтам, но это еще не тот Ю. Бондарев, который как писатель родился вместе с повестью «Батальоны просят огня». Они главным образом посвящены послевоенной мирной жизни. Их героями стали молодые инженеры, врачи, геологи, в основе сюжетов – любовные конфликты. Молодой Ю. Бондарев «ищет себя». Он – очень способный ученик большого писателя К. Паустовского.

Все эти и другие уроки К. Паустовского не прошли впустую. В рассказах, этом малом жанре прозы, молодой писатель учился создавать ритм, использовать инверсию, интонацию, формировать длинные или короткие периоды, насыщать текст глаголами и эпитетами, искать точные детали, писать пейзажи, создавать психологический контекст.

Одним из лучших ранних рассказов, считают исследователи творчества Ю. Бондарева, является рассказ «Незабываемое» (1948). Он интересен тем, что в нем уже заметен будущий автор «Баталь...»

Ю. Бондарев достаточно быстро освоил жанр рассказа. И сам он, увлеченный созданием рассказов, позднее признавался в том, что был твердо убежден: только «короткая, почти пейзажного рисунка лирическая новелла» – его призвание в литературе, его судьба. «Повесть или тем более роман, – считал он, – вещи объемные, со множеством героев, с длительным и подробным изложением событий; оба прозаические эти жанры представлялись мне недостижимыми, ибо рождали полнейшую неуверенность в собственных силах и возможностях. Помню: подчас с неким даже трепетом брал я в руки солидные книги своих братьев по перу, спрашивая себя, как хватило им терпения, воли и, казалось, неиссякаемого воображения, чтобы начать и закончить каждую протяженную во времени жизнь».

Однако искус был велик: хотелось себя увидеть автором большого литературного произведения, испытать себя. Так появилась повесть «Юность командиров» (1956). Сам Ю. Бондарев признавался потом: эта повесть «была попыткой познать сладость и горечь» жанра, попыткой преодолеть в себе робость и страх перед неосязаемым и как бы скрытым потемками концом работы, перед задуманными персонажами, которые, мнилось, не способны так долго жить на страницах книги».

Ю. Бондарев уже в этой повести наметил основной сюжетный поворот, поставив вопрос: а как будут жить, чувствовать себя вчерашние фронтовики в мирной, казалось бы, жизни. Ждет ли их безмятежное счастье или новые испытания, невзгоды.

В «Юности командиров» Ю. Бондарев по сути сделал шаг вперед: он преодолел свою робость перед созданием большого художественного полотна: повесть свидетельствует, что перед нами сложившийся писатель, прошедший прекрасную литературную школу, талантливый мастер. Однако очевидно и то, что материал, который лег в основу повести, не столь интересен массовому читателю, а персонажи, может быть и привлекательные для курсантов военных училищ, оставляют его, массового читателя, равнодушными. Именно поэтому повесть не имела того огромного общественного, литературно-критического резонанса, который потом сопровождал все, что написал молодой автор.

Новая правда войны

Как принято писать в таких случаях, в одно прекрасное утро 1957 года Ю. Бондарев проснулся знаменитым. Накануне в журнале «Молодая гвардия» вышла его повесть «Батальоны просят огня». О повести заговорили сразу же и повсеместно: «в редакциях, библиотеках, просто за обеденным столом, среди профессионалов-литераторов и читателей». Так вспоминал о появлении повести критик М. Кузнецов.

Но, как мы знаем, ничего неожиданного быть не может. Во-первых, если бы не было прежнего писателя Ю. Бондарева, не было бы и новой повести. Во-вторых, новая повесть, в которой речь шла о войне, не была бы создана, если бы не появился другой взгляд на то, как надо показывать недавнюю войну.

Написать достоверную правду о войне могли только непосредственные ее участники. «Те, кто ушел на фронт, когда им было восемнадцать лет», – скажет Ю. Бондарев.

Душевный опыт этих людей был насыщен до предела. Четыре года войны они прожили, не переводя дыхания, и, казалось, концентрация деталей, эпизодов, конфликтов, ощущений, потерь, образов солдат, пейзажей, запахов, разговоров, ненависти и любви была настолько густа и сильна после возвращения с фронта, что просто невозможно было все это организовать, ясно проявить главную мысль. Сотни сюжетов, судеб, характеров теснились в неостывшей памяти каждого. Недавнее было слишком горячо, слишком близко – детали вырастали до гигантских размеров, затмевая основное».

Ю. Бондарев первым открыл эту новую страницу в русской литературе. Он был готов к этому: его жизненный и литературный опыт подсказывал ему, что надо изменить творческий вектор, вернуться к тому, что было на войне, к участникам войны. Еще студентом он задавался вопросом: как сказать «свое в литературе»? «Но что сказать и как?» Возникали сомнения. Глядя на книжные полки, думалось: «Что может добавить простой смертный, вернувшийся с войны офицер к исследованию человеческой души, когда мудрейшие ясновидцы всех времен и народов уже сказали всё или почти всё».

И случилось чудо. Ю. Бондарев вспоминает: «Дерзость писать об этом своем возникла внезапно в двух тысячах километров от дома, однажды в темную июльскую ночь на середине Белой, этой красивейшей реки в России. Капала вода с весел, за лесами розовело далекое зарево над городом, пахло острой речной сыростью, доносились тихие голоса рыбаков с соседних лодок, а где-то на берегу завывала, буксуя, машина, как будто переправлялись мы туда, к зареву, где гудели немецкие танки... И вдруг встали передо мной – высота, другое зарево, орудия, стреляные гильзы, – и возникло желание сказать о том, что долго жило во мне подсознательно».

В повести «Батальоны просят огня» Ю. Бондарев тему героической борьбы советского народа против немецко-фашистских захватчиков (на эту тему еще появится немало повестей и романов, в том числе и хороших) решил раскрыть не столько с точки зрения народа, нового (социалистического) общества, защищавшего себя от вероломного врага, сколько с точки зрения человека, которого война принудила жертвовать своей жизнью. «Человек» и «война», «человек на войне» – кто он, о чем думает, что переживает, легко ли, тяжело каждый час, день и ночь прощаться с жизнью – с самым прекрасным даром, который есть у человека, который он не просил ни у кого, но с которым так нелегко расстаться! Но расставаться с жизнью приходилось не одному-двум человекам, а сотням, тысячам... И мы знаем, что в годы войны погибли миллионы советских людей.

В повести погибают два батальона солдат и офицеров (осталось только пятеро). Батальоны были посланы на другой, правый, берег Днепра, чтобы занять плацдарм, укрепиться, чтобы обеспечить победу советских войск на главном направлении. Но главное направление изменилось, и возникает сам собой вопрос: надо ли было посылать на смерть батальоны, которые к тому же нельзя было поддержать артиллерийским огнем, авиацией с левого берега Днепра (повесть начинается с картины разгрома на железнодорожной станции составов с боеприпасами)?

Ю Бондарев считает, что на войне как на войне: жертвы неизбежны. Все погибшие за правое дело, даже солдаты, не совершившие подвига, герои. Не думая о подвиге, о героическом, но не думая и о предательстве, они воевали как говорится, не из-за страха, а по совести.

Да, Ю. Бондарев вторгся в художественную прозу второй половины 50-х годов прошлого века смело, неожиданно, со своим взглядом на войну, на проблему жизни и смерти. Центральные литературные журналы и газеты обрушились с резкой критикой на повесть. Журнал «Москва»: «Опубликование повести «Батальоны просят огня» событие более печальное, чем радостное. Видимо, по недостатку литературного опыта автор дурно распорядился своим талантом». Воспользовавшись «необыкновенным и несуразным единичным случаем», писатель, «сам того не желая, предложил читателю ложные художественные обобщения опыта минувшей войны.

Собственно, вся повесть «Батальоны просят огня» посвящена преодолению в человеке чувства страха перед смертью, которая каждое мгновение может оборвать жизнь.

Преодолеть самого себя

В 1959 году появилась новая повесть Ю. Бондарева «Последние залпы». Этой повестью молодой писатель как бы закрепился на ранее занятой повестью «Батальоны просят огня» высоте. Но многим показалось, что вторая повесть повторяет первую.

И по внешнему обличению, поведению в обеих повестях совершенно не похожие друг на друга персонажи: как главные, так и второстепенные. По сути же – в «Последних залпах» получают дальнейшее развитие, уточнение проблемы жизни и смерти, исполнения солдатами и офицерами своего долга на войне. Для того чтобы убедиться в этом, лучше всего обратиться к тому, как Ю. Бондарев изображает смерть своих героев, прежде всего второстепенных.

Уже в этих двух повестях Ю. Бондарев проявил себя великолепным мастером, умеющим двумя-тремя мазками запечатлеть тот или другой, даже второстепенный, персонаж.

То, что герои Ю. Бондарева не похожи на житийных святых, это очевидно всем – и западным, и отечественным критикам и читателям. Вместе с тем в повестях Ю. Бондарева действительно изображен «суровый фронтовой быт», и конечно же трудно себе представить человека на войне, не испытывающего страха перед смертью.

Подлинным открытием Ю. Бондарева явилось то, что он первым показал и заявил, что «весь характер солдата проявляется в том, что он каждый день преодолевает самого себя». В повести «Последние залпы», как и в «Батальонах...», запечатлен героический подвиг народа,

когда каждый его представитель понимает, по словам самого писателя, что «героизм – это преодоление самого себя и это самая высокая человечность. Героизм советского солдата не в том, что он бесконечно заявляет о презрении к смерти, а в том, как он поступает, о чем думает, кого любит и кого ненавидит. Человечность его в том, как он говорит о своей жене и детях, о весеннем мелькании стай скворцов над траншеями, и в том, как он впервые в жизни убивает, а убивать всегда нелегко».

Преодоление смерти (каждодневное!) – это и есть подвиг, связанный с человечностью и с неброским патриотизмом, выражающимся в любви к своей семье, детям, жене и родителям, к природе и людям, тебя окружающим.

На весах добра и зла

После «Последних залпов», опубликованных, как уже говорилось, в 1959 году, Ю. Бондарев на целое десятилетие перестал печатать художественную прозу о войне. В жанре повести он предельно ясно и художественно лаконично самовыразился. Он открыл новый этап в изображении Великой Отечественной войны в литературе, но его стали занимать проблемы мира, мирной жизни общества, которое ему тоже было интересно. Известно, что А. Твардовский советовал молодому писателю продолжать писать о войне, однако писатель создал роман «Тишина» и повесть «Родственники», рассказавшие читателю о том, чем жила и живет страна в послевоенные годы.

Вместе с тем Ю. Бондарев прекрасно чувствовал, сознавал, что о войне не все еще сказано и не так сказано. А работа над «Тишиной» показала, что он готов к написанию большого художественного полотна о войне – романа.

Непосредственным толчком к написанию романа «Горячий снег» послужила международная встреча писателей. В интервью «Вечерней Москве» в 1969 году (год окончания работы над романом) он рассказал об этом: «Несколько лет назад в Австрии проходила международная дискуссия писателей. После многочисленных вопросов о советской литературе ко мне подошли два немца средних лет. Из разговора выяснилось – оба бывшие танкисты из армейской группы «Гот», оба воевали на том же участке фронта на реке Мышкова, где в декабре 1942 года был и я. Тогда танковые дивизии Манштейна пытались пробить коридор к окруженной нашими фронтами более чем трехсоттысячной группировке Паулюса в районе Сталинграда. Два немца эти были настроены сейчас весьма дружелюбно. Они заявили, что выступают против реваншизма, ненавидят гитлеровское прошлое, и мне странно было: четверть века назад мы стреляли друг в друга, жили непримиримой ненавистью. И я вспомнил многое, что за протяженность лет уже забывалось: зиму 1942-го, холод, степь, ледяные траншеи, танковые атаки, бомбежки, запах гари и горелой брони...»

В том же интервью для нас важно и другое признание писателя: «Эта книга – о Сталинграде и в то же время не о Сталинграде <...>. В этой книге я пытаюсь сказать о войне то, что не успел сказать в других своих книгах». Конечно же «Горячий снег» – роман, рассказывающий, с одной стороны, лишь об эпизоде, хотя и очень важном, случившемся во время Сталинградской битвы, с другой – это роман о Великой Отечественной войне, о войне Советского Союза против фашизма, о народной войне против захватчиков, наконец – о нравственных ценностях, философском осмыслении великой трагедии человечества – войны. И в романе, разумеется, много нового, той новизны, о которой можно уверенно говорить как о художественном открытии писателя.

В романе ненавязчиво, скрыто представлена великая страна – Советский Союз, страна многонациональная, страна любимая, страна – самая красивая из всех существующих стран мира. В романе нет этих громких слов – Советский Союз, Россия, дружба народов... Но все ее герои – представители одной, единой страны, которую защищают русский Кузнецов, украинец Скорик, армянин . Давлатян, казах Касымов...

И вовсе не идиллическими могут быть эти отношения между представителями разных национальностей, но конфликты – не на национальной почве. И их немного.

Жанровые возможности романа привлекли внимание Ю. Бондарева и по другим

причинам. Здесь уместно вспомнить признание самого писателя из его статьи «Взгляд в биографию» (1965): «Правда войны вбирает в себя все – от движения красного карандаша по карте в Верховной Ставке до ночи перед боем в окопе, от Ленина и дней Октябрьской революции до первых выстрелов в июне сорок первого года. В окопах войны решалась и судьба советской власти, и судьба социализма, и, следовательно, судьба каждого солдата. В окопах, протянувшихся от Баренцева до Черного моря, воевал народ, – поэтому здесь концентрировались все наши идеи, чаяния, надежды. И именно здесь писатели среднего поколения, избегая прямолинейности, искали масштабность, емкость мысли и чувств, а не в механической широте всеобъемлющего полотна, которая в силу этой своей механической пространности «размывает» писателя как остро чувствующего участника событий. Все дело, надо полагать, в том, что «окопная правда» вбирает в себя «масштабную правду», так же как «масштабная правда» вбирает «окопную».

Необходимость донести до читателя вместе с «окопной» правдой и «масштабную» чрезвычайно расширили эпические рамки романа. Бой одной батареи вписан в широкий масштаб замыслов немецкого командования во главе с Гитлером и советского – во главе со Сталиным.

«В «Горячем снеге», – признался Ю. Бондарев в интервью «Литературной газете» (1972), – я написал о войне несколько по-другому, чем в повести «Батальоны просят огня». И не только в плане, что ли, художественном, но и в плане историческом: ведь между романом и повестью пролегло одиннадцать лет. Это тоже было стремление к познанию и как бы толчком биографии (не прошлой, а настоящей) – пора более широкого осмысления человека на войне, пора какого-то накопления, сделанного не мной, а самим временем.

Это своего рода категорический императив, исходящий из самой жизни. Однако «Батальоны просят огня» и «Горячий снег», не спорят друг с другом. Это родные братья, у позднего брата лишь больше морщин и больше седины на висках. Время живет в писателе, так же как и писатель живет во времени».

«Горячий снег» – название романа, сделавшего его сразу же запоминающимся. Сочетание несочетаемого (оксюморон) сразу же привлекает наше внимание – и надолго. Прием, которым очень осторожно пользовались и пользуются писатели (например, «Живой труп» Л. Толстого). «Вообще, – говорил Ю. Бондарев в интервью «Литературной газете» в 1972 году, – название книги – одно из наиболее тяжелых звеньев поиска. Ведь первое ощущение еще даже не раскрытой вещи возникает в душе читателя от заглавия на обложке. «Последние залпы» первоначально назывались «Капитан Новиков» (слишком открыто); «Двое» – «Не меч, но мир» (чересчур нагружено); «Горячий снег» — «Дни без милосердия» (чересчур расшифровано). Но самые долгие мучения были связаны с названием повести «Батальоны просят огня». Я перебрал множество вариантов и наконец остановился на одном, показавшемся мне необычным и в то же время как бы дохнувшим войной».

Конечно же снег в романе изображается как реальная деталь окопного быта: «исколотое снежной крошкой лицо», «снежная дорога», «мела снежная крупа», «снежная крупа намела здесь белые островки», «похрустывание снежного наста под его валенками», «снежной крупой прошуршало сзади» и т.д. Однако упоминание снега создает и цветовой, эмоциональный фон: «ядовито алел снег». Но в нескольких ситуациях писателем создаются ситуации, в которых снег действительно определяется как «горячий». О первой автор вспоминает сам. В интервью польскому еженедельнику «Жерунки» в марте 1974 года он говорил: «В моем романе сталинградский снег становится горячим не только от накаленности боя. Когда погибает женщина, мой герой плачет, вытирая рукавом глаза, и снег на рукаве становится горячим от слез. Мы потеряли двадцать миллионов убитыми».

Для того чтобы написать такой роман, автору пришлось самому пройти через сталинградский ад стать признанным писателем («Батальоны просят огня», «Последние залпы», «Тишина», «Родственники») и заставить задуматься нас, читателей над тем, что есть такое человеческая жизнь, какова ей цена и кто ею распоряжается...

«Горячий снег» – это роман не только о Великой Отечественной войне (в этом плане

роман – шедевр), но и о нас – читателях, живущих уже в XXI веке.

Здесь же следует сказать главное: среди писателей-баталистов, таких, как Михаил Алексеев и Олесь Гончар, Иван Мележ и Виктор Некрасов, Анатолий Ананьев и Григорий Бакланов, Константин Симонов и Иван Стаднюк, Юрию Васильевичу Бондареву принадлежит одно из ведущих мест.

И дело не только в ярком стиле, обусловленном безукоризненным владением Словом, как основным строительным материалом литературы, но и в том, что его романы и повести – веши военной прозы – совпали с вежами Великой Отечественной, – они накрывают собою все пространство войны – от Сталинградской битвы до последних военных залпов, и, как венец этого монументального романного здания, высится роман Юрия Бондарева «Берег» – роман-послесловие к войне, роман-эпилог.

Где-то в эпицентре между этими временными полюсами родился, а если быть точным – вылился из освобожденной от Слова души писателя роман «Горячий снег», ставший советской батальной классикой.

На реке Времени их координаты обозначены четко и однонаправлено – от прошлого к будущему. Иное дело – река памяти; она избирательна и высвечивает те острова в своем мощном невидимом течении, которые высятся не на самом ее стрежне, а ближе к берегам, чтобы читатель мог пройти по ним благодарным взором, не боясь опрокинуться в пугающую бездну Времени.

Берег «Батальонов...» остался на островке, с которого наши наступающие батальоны пытались форсировать Днепр и просили у артиллеристов огня, ибо, пишет Юрий Бондарев, «маленькая полоска земли на правом берегу Днепра, напротив острова, называлась в сводках дивизии плацдармом, в разговорах штабных офицеров – трамплином, необходимым для развертывания дальнейшего наступления».

Берег же «Берега» – да простится тут вынужденная тавтология! – оказался по воле случая в Германии, куда бывшего лейтенанта Никитина, ныне писателя с мировым именем, пригласили на круглый стол; пригласила его госпожа Герберт, та самая немецкая девочка Эмма, которая двадцать шесть лет тому назад одарила молодого советского офицера великим чудом – единственным чудом на Земле, – имя которому Любовь.

Так в романе столкнулись два потока Времени (это только в обычную реку нельзя войти дважды) – и эта река разверзла пред Никитиным и Эммой такие берега нравственности, щемящей и не отболевшей с годами любви, коих хватило бы на несколько жизней, – и все равно едва ли можно было бы ее одолеть – столь глубока она, эта неодолимо-пьянящая река Времени, так много в ней неизвестно-неизбежного и манящего своей ускользящей и опрокидывающейся в сердца Вадима Никитина и Эммы Герберт глубиной.

Этой реке в «Береге» равновелика любовь, изображенная писателем с такой не стыдящей даже юную душу откровенностью, что самые интимные сцены про «это», написанные во всем великом сиянии бондаревского Слова, читаются так, словно перед читателем раскрыты удивленные, глаза безгрешного неба, а не сияющие глаза женщины в тот миг, о котором лучше не говорить, чтобы не быть пошлым.

Любовь не выбирает – выбирают люди, а она утверждает (даже если протягивает руку двум сердцам из противоположных, враждующих сторон!) и утверждает самое себя.

В этом трагизм любви, которая с обезоруживающей силой обрушилась на Никитина и Эмму.

Изобразить такое состояние героев под силу великим писателям; слово мертвое только в словаре, насколько оно оживает, зависит от одного писателя и ни от чего и ни от кого более.

Это о таких писателях блистательный русский поэт Владимир Соколов сказал с проникновенной точностью:

Нет школ никаких.
Только совесть,
Да кем-то завещанный дар,

Да жизнь, как любимая повесть,
В которой и холод и жар.

И если в начале было Слово (а так оно и было в действительности!), то это начальное Слово пролилось в душу Гомера и автора «Слова о полку Игореве», Пушкина и Толстого, Лескова и Чехова, Бунина и Горького, Шолохова, Леонова и Бондарева.

Именно в их произведениях мы обнаруживаем ключевые фразы, облучающие своим глубинным смыслом все произведение, будь то гениальная поэма Александра Сергеевича Пушкина «Медный всадник», эпопея Максима Горького «Жизнь Клима Самгина» или роман Юрия Бондарева «Берег».

В «Медном всаднике» – это шепот обезумевшего Евгения, услышанный нами через полтора столетия: «Ужо тебе!..», в «Жизни Клима Самгина» слова: «Да – был ли мальчик-то, может, мальчика-то и не было?», в «Береге» – обреченный крик Эммы: «Вади-м! Вади-м!»

Но если для пушкинской – в четыреста восемьдесят одну строку – поэмы хватило разового повторения фразы «Ужо тебе!..», а в горьковском эпосе удерживающая его фраза «Да – был ли мальчик-то?..» проходит по всему произведению, то в бондаревском романе обреченный крик: «Вади-м! Вади-м!..» смятенной души Эммы вырывается как эхо все ускользающей жизни, а значит, и любви.

Изымите из названных произведений только эти фразы – и их, этих произведений, не станет, они превратятся в лишенное атмосферы романное пространство, которое словно забыло о своем истинном предназначении.

Можно рискнуть с утверждением, что и «Война и мир» Льва Николаевича Толстого – изымы из нее сцены у дуба, особенно вторую, когда князь Андрей, воскрешенный любовью, произносит: «Нет, жизнь не кончена и в тридцать один год...» – потеряет многое, если не все.

Если говорить о чисто военной прозе писателя, то ее связывают три символа-понятия: Берег – Боль – Надежда; и перетекание смысла от них происходит в те мгновения, когда для его героев жизнь уже не оставляет никакой надежды.

Дорога к милосердию по имени «Без милосердия»

Удивительное дело, но дорогу к большим после «Горячего снега» полотнам прокладывают Юрию Бондареву его миниатюры «Мгновения», которые, являются романом писательской души.

Я не знаю, в какой миг родилась миниатюра – главка этого удивительного романа, единственного в нашей литературе, – «То, что я люблю», но кажется, что родилась она в одно время с романами «Бермудский треугольник» и «Без милосердия», а может быть, и до них – этой своеобразной бондаревской диалогии, если считать главным героем его последних романов само время – нынешнее безвременье, которое прогремело о своем начале вакуумными снарядами контрреволюции по зданию Дома Советов в кровавом октябре 1993 года.

Вот когда и при каких обстоятельствах написалась у Юрия Бондарева эта фраза – «Без милосердия», которая станет через несколько десятилетий заглавием его романа, связывая тем самым события под Сталинградом и события, которые последовали после расстрела ельцинистами Дома Советов, ставшего ныне Белым домом по известной читателям аналогии.

Парадокс войны и всей жизни, по Бондареву, заключается в том, что милосердия всегда требуют немилосердные.

Юрий Бондарев не побоялся вплести в ткань художественного текста «Бермудского треугольника» – лучшего российского романа конца прошедшего века – подлинные слова мерзавцев, находившихся в исполнительной власти и около нее, не побоялся снизить художественный уровень романа голой публицистикой, понимая, что она, эта публицистика, только усилит эмоциональный накал романа, а с другой стороны – станет вещественным доказательством совершенного преступления для грядущего суда Истории, который непременно придет.

Обладая подлинным знанием о тайне русской души, как русский национальный

писатель, Юрий Васильевич Бондарев имеет моральное права сказать своему народу горькую правду о нем, – слишком много было писателей-лукавцев, воспевавших его величие и стеснявшихся сказать ему в лицо о многих отвратительных чертах, живущих в нем с давних времен.

Белая птица надежды

Писатель – стиль, а стиль – судьба художника.

Но стиль, не одухотворенный мыслью, может родить только мертвое пространство на поле романа, заключенное в словесную вязь, какой бы искусной она ни была.

Не потому ли каждый новый роман Юрия Бондарева при кажущейся похожести пишет новый Бондарев; это, однако, почти незаметно там, где темы очень близки, но совсем иным стилем пишет Бондарев, скажем, тот же роман «Без милосердия», – ибо писатель хорошо знает, что этот роман от абсурдности послерасстрельного московского бытия, в котором Первопрестольная превратилась в «размалеванную дурочку», должен быть пронизан всеохватной иронией, адекватной тому абсурду, что разлился демофашистской мутью по улицам Москвы, утопив собою когда-то чистые души москвичей.

Если же говорить о творчестве самого Юрия Бондарева, то за шесть десятилетий непрерывного творческого труда он выстроил надежное литературное здание, которое накрывают собою его миниатюры-«мгновения», устремляясь вместе с его повестями и романами-венцами к Небу, – это и есть тот самый «Ноев ковчег Слова», счастливо плывущий на бурных волнах великого моря отечественной словесности.

Произведения Юрия Бондарева в литературно-художественных журналах

1. Без милосердия : роман // Наш современник. – 2004. – № 7, 8.
2. Бермудский треугольник : роман // Наш современник. – 1999. – № 11, 12.
3. Бывший друг : рассказы // Слово. – 2007. – № 2.
4. Где он слышал этот голос? : рассказ // Слово. – 2002. – № 2.
5. Золотой дождь : рассказ // Слово. – 2006. – № 6.
6. Игра : роман // Новый мир. – 1985. – № 1, 2.
7. Искушение : роман // Наш современник. – 1991. – № 1, 2.
8. Любить и верить : рассказы // Слово. – 2010. – № 1/3.
9. Мгновения : миниатюры // Лит. газ. – 2011. – № 6/7.
10. Мгновения : миниатюры // Слово. – 2009. – № 1.
11. Мгновения : миниатюры // Слово. – 2001. – № 1.
12. Мгновения : миниатюры // Наш современник. – 2001. – № 1.
13. Мгновения : миниатюры // Наш современник. – 2000. – № 8.
14. Мгновения : миниатюры // Молодая гвардия. – 1996. – № 1, 2, 4.
15. Мгновения : миниатюры // Слово. – 1992. – № 8.
16. Мгновения : миниатюры // Москва. – 1988. – № 2.
17. Мгновения : миниатюры // Юность. – 1986. – № 6.
18. Мгновения : миниатюры // Новый мир. – 1984. – № 3.
19. Мгновения : миниатюры // Новый мир. – 1977. – № 8.
20. Мгновения мира и войны // Наш современник. – 2009. – № 9.
21. О любви : рассказы // Слово. – 2008. – № 5.
22. О пародии, смешном и горьком // Слово. – 2001. – № 3.
23. Облака : рассказ // Слово. – 2008. – № 2.
24. Отец, мать, бабушка и я : рассказы // Лит. газ. – 2002. – № 23.
25. После бессонной ночи : рассказы // Слово. – 2004. – № 3.
26. Разговор о Сталине : рассказ // Молодая гвардия. – 1996. – № 2.
27. Собака : рассказы // Труд. – 2007. – 11 янв.
28. Страницы из записной книжки // Новый мир. – 1976. – № 1.

Публикации о Юрии Бондареве

1. Бондарев, Ю. В предчувствии апокалипсиса / Ю. Бондарев // Лит. Россия. – 2011. – № 35. – С. 16.
2. Бондарев, Ю. Приближение к истине / Ю. Бондарев // Лит. газ. – 2010. – № 25. – С. 4.
3. Выбор Юрия Бондарева // Лит. газ. – 2009. – № 25. – С. 6.
4. Юдин, В. Мы идем по крестному пути / В. Юдин // Слово. – 2009. – № 3. – С. 1-5.
5. Арцибашев, А. Был ли я прав – рассудит время / А. Арцибашев // Наш современник. – 2009. – № 3. – С. 243-250.
6. Савельев, И. Нетающий горячий снег / И. Савельев // Слово. – 2009. – № 1. – С. 10-58.
7. Бондарев, Ю. Наш крестный путь / Ю. Бондарев // Слово. – 2007. – № 5. – С. 1-4.
8. Бондарев, Ю. Книги – это мои дети / Ю. Бондарев // Слово. – 2007. – № 3. – С. 69-77.
9. Савельев, И. Недоступный полог / И. Савельев // Слово. – 2006. – № 2. – С. 100-106.
10. Мы не уйдем с поля боя // Слово. – 2004. – № 6. – С. 29-33.
11. Круглов, Ю. Война и мир Юрия Бондарева / Ю. Круглов // Слово. – 2004. – № 1. – С. 1-32.
12. Юрий Бондарев: грань веков // Минералов, Ю. И. История русской литературы 90-е годы XX века / Ю. И. Минералов. – М., 2002. – С. 57-62.
13. Сорокин, В. Красота мудрости / В. Сорокин // Слово. – 2001. – № 2. – С. 73-83.
14. Тимофеев, А. С отвагой через всю жизнь / А. Тимофеев // Слово. – 1999. – № 2. – С. 52-65.
15. Бузник, В. Память войны / В. Бузник // Русская литература. – 1995. – № 3. – С. 96.
16. Бузник, В. Перечитывая заново / В. Бузник // Литература в школе. – 1995. – № 5. – С. 26.
17. Ларионов, А. Талант провидца и пророка / А. Ларионов // Слово. – 1994. – № 1/6. – С. 38-39.
18. Бондарев, Ю. Судьба человеческая – судьба народная / Ю. Бондарев // Перспектива-89. – Сб., М., 1989. – С. 22.
19. Горбунова, Е. Проблема выбора и вины / Е. Горбунова // Октябрь. – 1988. – № 5. – С. 180.
20. Журавлев, С. И. Главный герой – правда / С. И. Журавлев // Журавлев, С. И. Память пылающих лет / С. И. Журавлев. – М., 1985. – С. 43-83.
21. Быков, Л. Постигение сложной ясности / Л. Быков // Лит. обозрение. – 1985. – № 6. – С. 24.
22. Огнев, В. О выборе судьбы и берегах памяти / В. Огнев // Юность. – 1985. – № 2. – С. 88.
23. Смирнова, Л. С позиций историзма / Л. Смирнова // Литература в школе. – 1984. – № 6. – С. 2-11.
24. Коробов, В. Утверждение и отрицание / В. Коробов // Октябрь. – 1984. – № 3. – С. 190-195.
25. Амлинский, В. Единое слово / В. Амлинский // Юность. – 1984. – № 3. – С. 78-80.
26. Бондарев, Ю. Дорожите каждым днем своего земного срока / Ю. Бондарев // Юность. – 1982. – № 8. – С. 3-10.